

Научная статья

УДК 342

DOI: <https://doi.org/10.30932/2500-1868-2026-59-3-09>

Концепция федерального закона «Об общественной безопасности в Российской Федерации»: необходимость, место в системе законодательства и научно-методологические основы

Колоткина Оксана Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственный экономический университет,
старший научный сотрудник
Центра исследования проблем безопасности
Российской академии наук,
Екатеринбург, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2587-5378>

РИНЦ SPIN-код: 2141-6622, AuthorID: 739025

Аннотация. В статье обосновывается необходимость принятия федерального закона «Об общественной безопасности в Российской Федерации». Показано, что действующее правовое регулирование носит фрагментарный характер, срок действия Концепции общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г. фактически истек, а системообразующий законодательный акт в данной сфере отсутствует. Проанализированы позиции ученых относительно необходимости принятия данного закона, а также основные направления научных дискуссий о понятийно-категориальном аппарате и форме его закрепления. Предложена авторская концепция федерального закона, включающая легализацию устойчивых по своему содержанию понятий общественной безопасности, рамочный характер закона с элементами прямого действия, координационный механизм на базе Совета Безопасности РФ, интеграцию негосударственных субъектов обеспечения общественной безопасности, противодействие цифровым вызовам и угрозам, региональное измерение и структуру закона. Сформулированы выводы о необходимости разработки и дальнейшего принятия данного законодательного акта.

Ключевые слова: общественная безопасность; концепция федерального закона; понятийно-категориальный аппарат; рамочный закон; цифровые вызовы и угрозы общественной безопасности.

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001)».

Для цитирования: Колоткина О. А. Концепция федерального закона «Об общественной безопасности в Российской Федерации»: необходимость, место в системе законодательства и научно-методологические основы // Транспортное право и безопасность. 2026. № 3(59). С. 111–121. <https://doi.org/10.30932/2500-1868-2026-59-3-09>.

Original article

Concept of the Federal Law “On Public Security in the Russian Federation”: necessity, place in the legislation, and scientific-methodological foundations

Oksana An. Kolotkina,
Candidate of Law, Associate Professor,
Ural State University of Economics,
Senior Researcher of the
Security Problems Studies Center of RAS,
Ekaterinburg, Moscow, Russia

Abstract. The current paper has substantiated the necessity to adopt a federal law “On Public Security in the Russian Federation”. There has been shown that the current legal regulation is fragmentary in nature, the valid period of the 2013 Concept of Public Security in the Russian Federation has effectively expired, and there is no foundational legislative act in this sphere. There have been analyzed the views of scholars regarding the necessity of enacting this law, as well as the main issues of academic debate concerning its conceptual and categorical framework and the form of its legislative embodiment. There has been proposed an original concept of a federal law, including legalization of robust concepts of public security; a framework law with the elements of direct applicability; a coordination mechanism based on the Security Council of the Russian Federation; the integration of non-state actors into public security enforcement; measures to counter digital challenges and threats; and regional dimension and structure of law. There have been made the conclusions regarding the necessity to develop and subsequently adopt this legislative act.

Keywords: public security; concept of a federal law; conceptual and categorical framework; framework law; digital challenges and threats to public security.

The current paper has been prepared as part of the implementation of the state assignment “Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of national security of the Russian Federation (FFFZ-2025-0001)”.

For citation: Kolotkina O. A. Concept of the Federal Law “On Public Security in the Russian Federation”: necessity, place in the legislation, and scientific-methodological foundations // Transport law and security. 2026; (3(59)):111–121.

© Колоткина О. А., 2026

В условиях роста геополитической напряженности, гибридных угроз, цифровизации общественных отношений состояние общественной безопасности в Российской Федерации претерпевает существенные изменения, что актуализирует необходимость пересмотра подходов к ее правовому обеспечению. Несмотря на то что общественная безопасность закреп-

лена в качестве стратегического национального приоритета в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 (далее — Стратегия 2021), ее правовой фундамент остается фрагментарным.

Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 (далее — Концепция 2013), предусматривала двухэтапный план реализации: на первом этапе (2013—2016) предполагались разработка и принятие законодательных и иных нормативных правовых актов, а также корректировка региональных и муниципальных программ; на втором этапе (2017—2020) планировались принятие комплексных целевых программ, включая федеральные, региональные и отраслевые, а также обобщение правоприменительной практики. Однако ни один из этих пунктов не был реализован в полном объеме: ключевые законодательные и иные нормативные правовые акты в сфере обеспечения общественной безопасности так и не были приняты, а предусмотренные мероприятия выполнены лишь частично. Более того, после фактического истечения срока действия Концепции в 2020 г. новый документ стратегического планирования, определяющий государственную политику в области общественной безопасности, разработан не был. Попытки пролонгации Концепции до 2030 г., а также ее обновленной версии в 2020 г. не увенчались успехом. Такое положение дел, в частности связанное с прекращением работы над концептуальным документом, создает риск утраты накопленного понятийного аппарата и доктринальных наработок в сфере общественной безопасности [1].

Анализ действующего законодательства свидетельствует о серьезном дисбалансе: приоритет, закрепленный на высшем стратегическом уровне, не обеспечен базовым отраслевым законом. Отдельные федеральные законы и законы РФ (от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной охранной деятельности» и др.) регулируют отдельные функциональные сегменты, но не создают целостной системы обеспечения общественной безопасностью. По факту остаются не урегулированными вопросы разграничения полномочий между федеральным центром и регионами, правового статуса негосударственных субъектов общественной безопасности. Кроме того, современные вызовы, связанные с цифровизацией (кибертерроризм, киберэкстремизм, распространение деструктивного контента в сети «Интернет»), требуют адекватного правового реагирования, невозможного без системного законодательного акта. Таким образом, разработка и принятие специализированного федерального закона «Об общественной безопасности в Российской Федерации» является не просто научной дискуссией, а приоритетной задачей государственного управления.

Целью настоящего исследования является научное обоснование необходимости принятия федерального закона «Об общественной безопасности в Российской Федерации», а также разработка концептуальных положений его структуры и содержания.

Проблема отсутствия системообразующего законодательного акта в сфере обеспечения общественной безопасности активно обсуждается в научной современной литературе. Анализ публикаций позволяет выделить несколько ключевых направлений научной дискуссии в части рассматриваемой темы.

Первое направление связано с констатацией терминологической разбалансированности понятийно-категориального аппарата общественной безопасности, а также с дискуссией относительно того, в каком нормативном правовом акте — документе стратегического планирования или профильном федеральном законе — такой аппарат должен быть закреплён. Профессор А. М. Воронов отмечает отсутствие единой системы базовых понятий безопасности в действующем законодательстве [1, стр. 20]. Исследователь С. И. Гирько констатирует, что дефиниции, закреплённые в Концепции 2013 («общественная безопасность», «угроза общественной безопасности» и др.), не воспроизведены в ни в Стратегии 2021, ни в иных нормативных правовых актах [3]. Т. Т. Пронин указывает на утрату концептуального закрепления дефиниций и противоречивость категорий общественной безопасности в региональном законодательстве [4, стр. 131—132].

В целом можно согласиться с позицией указанных авторов о необходимости унификации и легального закрепления понятийного аппарата общественной безопасности. Однако вопрос о том, где целесообразно закреплять данный понятийно-категориальный аппарат общественной безопасности — в профильном законе или документе стратегического планирования, — остается дискуссионным. В связи с этим заслуживает внимание точка зрения, согласно которой закрепление базовых дефиниций общественной безопасности должно осуществляться не в законодательном акте, а в профильном документе стратегического планирования, например, в новой концепции общественной безопасности. Такой подход, по мнению его сторонников, позволит более гибко и оперативно корректировать содержание понятий с учетом трансформации вызовов и угроз, сохраняя при этом преемственность с уже существующим понятийным аппаратом, апробированным в Концепции 2013.

Второе направление научной дискуссии обосновывает необходимость перехода от концептуального к законодательному уровню регулирования. Так, по мнению С. И. Гирько: «институализация общественной безопасности в настоящее время переросла концептуальный уровень. На смену правовой регламентации положений общественной безопасности должно прийти нормативно-правовое закрепление, связанное с разработкой и принятием специального законодательного акта федерального уровня —

федерального закона «Об общественной безопасности в Российской Федерации» [1, стр. 37]. Аналогичная позиция озвучена и А. М. Вороновым, который справедливо констатирует необходимость и своевременность принятия профильного законодательного акта в сфере обеспечения общественной безопасности, подчеркивая, что разработка и принятие закона об общественной безопасности — это вопрос времени [2, стр. 19, 21].

Третье направление связано с критикой «фрагментарного позитивизма» — наличия множества отраслевых федеральных законов («О полиции», «О противодействии экстремистской деятельности» и др.), которые не подчинены единому профильному законодательному акту в сфере обеспечения общественной безопасности. В специальной литературе высказывается позиция, согласно которой законодательная власть до настоящего времени не проработала системного подхода, а ведомственные правовые акты, принимаемые в отсутствие единого профильного закона, приводят к разрозненности и отсутствию единства правовых норм в сфере обеспечения общественной безопасности [5].

Таким образом, проблемы действующих федеральных законов в сфере обеспечения общественной безопасности можно представить в систематизированном виде следующим образом. Федеральный закон «О полиции» регулирует полномочия полиции и применение мер принуждения, но не определяет статус иных сил (Росгвардии, частных охранных предприятий (далее — ЧОП), народных дружин) при совместных действиях и не устанавливает критерии эффективности общественной безопасности. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» направлен на борьбу с экстремизмом как уголовно-правовым явлением, но не охватывает профилактику бытовых и межнациональных конфликтов на ранней стадии, а также не регулирует цифровые формы экстремизма. Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности» регулирует деятельность ЧОП по защите имущества, но не определяет их участия в обеспечении общественной безопасности и взаимодействие с МВД России и Росгвардией. Аналогичная ситуация — отсутствие системной привязки к единым целям и критериям общественной безопасности — характерна и для иных отраслевых законов, действующих в данной сфере.

Четвертое направление исследований акцентирует внимание на новых вызовах, связанных с процессами цифровизации. В. М. Шеншин констатирует, что противодействие цифровому экстремизму и терроризму является одной из наиболее значимых государственных задач, однако ее решение затруднено множеством проблем: трудности блокировки экстремистских ресурсов, использующих анонимные программы (VPN), длительность процедуры признания контента экстремистским и т.д. [6] Указанные проблемы, имеющие ярко выраженный межведомственный характер, не могут быть эффективно урегулированы в рамках действующего отраслевого законодательства, поскольку отсутствует единый системный подход к противодействию цифровым вызовам и угрозам. Представляется, что реше-

ние данных вопросов требует закрепления на уровне профильного федерального закона «Об общественной безопасности в Российской Федерации» единых принципов мониторинга, оперативной блокировки деструктивного контента и международного сотрудничества в цифровой среде.

Обобщая выводы проанализированных научных работ, представляется возможным предложить научно обоснованную концепцию федерального закона «Об общественной безопасности в Российской Федерации» (далее — Концепция закона об общественной безопасности) — документ, определяющий логику, структуру и пределы будущего закона. Как отмечает А. М. Воронин, методологической основой разработки такого закона должна стать *инструментальная концепция права*, в рамках которой право понимается как инструмент социального регулирования и внешнего воздействия, играющий ключевую роль в выстраивании архитектуры безопасности. К числу основных инструментов, подлежащих задействию в таком законе, исследователь относит: теоретико-правовые, организационно-управленческие, информационно-правовые, коммуникативные элементы [2, стр. 21—22].

Автор настоящей статьи считает целесообразным дополнить данный перечень еще двумя инструментальными блоками: а) *прогностическим инструментарием*, включающим механизм долгосрочного прогнозирования вызовов и угроз общественной безопасности на основе больших данных и искусственного интеллекта, и б) *компенсаторно-восстановительным механизмом*, предусматривающим правовые и организационные формы возмещения ущерба гражданам, пострадавшим от нарушения их прав и свобод в сфере обеспечения общественной безопасности, включая механизмы досудебной компенсации.

Содержательные элементы концепции федерального закона «Об общественной безопасности»

Первым и наиболее важным элементом Концепции закона об общественной безопасности является *легализация понятийно-категориального аппарата*. В отсутствие действующей Концепции общественной безопасности как документа стратегического планирования, определяющего государственную политику в данной сфере, федеральный закон «Об общественной безопасности в Российской Федерации» должен взять на себя функцию нормативного закрепления наиболее устойчивых по своему содержанию понятий — «общественная безопасность», «вызовы и угрозы общественной безопасности», «система обеспечения общественной безопасности» и др. В случае принятия нового документа стратегического планирования в сфере общественной безопасности (концепции или стратегии) наиболее устойчивые, базовые дефиниции, не подверженные частым содержательным изменениям, целесообразно сохранить в федеральном законе, обеспечивая тем самым стабильность правового регулирования. Другие же понятия, отличающиеся большей динамичностью либо обусловленные появлением новых вызовов и угроз (например, «цифровая

(кибер) угроза общественной безопасности», «деструктивный контент», «методы мониторинга состояния общественной безопасности», «показатели состояния общественной безопасности», «трансграничные угрозы общественной безопасности» и др.), должны закрепляться в специальном документе стратегического планирования, что позволит оперативно корректировать их содержание с учетом трансформации общественных отношений, развития технологий и изменения характера угроз без необходимости внесения изменения в законодательный акт.

Вторым элементом Концепции закона об общественной безопасности является определение соотношения нового закона с действующими отраслевыми нормативными правовыми актами. Новый закон должен носить рамочный характер, устанавливая общие принципы, систему субъектов и механизмы координации. В отличие от традиционного понимания рамочного закона как документа преимущественно декларативного характера, представляется возможным наделить его элементами прямого регулятивного действия. Речь может идти, в частности, о закреплении в таком законе минимальных стандартов общественной безопасности, которые были обязательны для всех отраслевых актов, а также об определении порядка межведомственной координации, предусматривающего возможность принятия обязательных для исполнения решений.

Третьим элементом Концепции закона об общественной безопасности является закрепление субъектного состава и иерархии сил обеспечения общественной безопасности. В связи с этим представляется целесообразным обратить внимание на положения Конституции РФ, в которые в 2020 г. были внесены изменения. Так, в п. «д.1» ст. 83 Конституции РФ закреплено, что Президент РФ назначает на должность руководителей федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами общественной безопасности. Указанная конституционная новелла свидетельствует о признании на высшем уровне необходимости выделения общественной безопасности в качестве самостоятельного направления государственной деятельности.

Развивая данный конституционный импульс, можно предположить, что эффективная реализация полномочий федерального органа исполнительной власти в сфере общественной безопасности потребует создания дополнительного координационного механизма. В связи с этим предлагается рассмотреть возможность формирования на базе Совета Безопасности Российской Федерации постоянно действующего координационного органа — федерального комитета по общественной безопасности. Такой комитет, на наш взгляд, мог бы объединить представителей всех заинтересованных ведомств, а также, возможно, негосударственных субъектов, с наделенным правом оперативного принятия решений в кризисных ситуациях, что позволило бы минимизировать длительные межведомственные согласования. При этом сам федеральный орган исполнительной власти, предусмотренный Конституцией РФ, мог бы выполнять функции исполни-

тельного аппарата данного комитета либо выступать в качестве самостоятельного субъекта, действующего в рамках утвержденной координационной структуры.

Четвертым элементом Концепции закона об общественной безопасности является разработка *механизмов интеграции негосударственных субъектов* в единую систему обеспечения общественной безопасности. В связи с этим представляется возможным рассмотреть введение института аккредитации для негосударственных субъектов, участвующих в обеспечении общественной безопасности, с выдачей соответствующих сертификатов или лицензий, а также создание единого публичного реестра таких субъектов. Речь идет, в частности, о ЧОП, народных дружинах, казачьих обществах, добровольческих (волонтерских) формированиях и др. Представляется целесообразным также предусмотреть меры стимулирования (например, налоговые льготы или компенсации затрат) для указанных организаций и граждан, активно вовлеченных в деятельность по обеспечению общественной безопасности.

Для каждого из указанных негосударственных субъектов обеспечения общественной безопасности представляется целесообразным предусмотреть следующие правовые механизмы:

- ЧОП — закрепить право на участие в охране общественного порядка (а не только имущества), определив порядок их взаимодействия с МВД России и Росгвардией, а также предусмотрев страхование их ответственности;

- народные дружинники — расширить полномочия, обеспечив их средствами связи и индивидуальной защиты, а также ввести обязательное страхование жизни и здоровья;

- казачьи общества — закрепить их правовой статус в качестве субъекта общественной безопасности;

- волонтеры — законодательно уточнить правовой статус и порядок взаимодействия с МЧС и МВД России при ликвидации чрезвычайных ситуациях.

Пятым элементом Концепции закона об общественной безопасности является создание правовых *механизмов противодействия цифровым вызовам и угрозам*. В связи с этим представляется возможным предусмотреть создание государственной системы мониторинга состояния общественной безопасности с использованием автоматизированных средств выявления экстремистского и террористического контента. Дополнительно можно было бы рассмотреть вопрос о закреплении в законе положения о создании специализированного центра мониторинга цифровых угроз общественной безопасности (например, на базе МВД России или Росгвардии) с функциями оперативного реагирования.

Шестым элементом Концепции закона об общественной безопасности является учет *регионального измерения общественной безопасности*. В связи с этим можно говорить о необходимости четкого разграничения

полномочий между федеральным центром и субъектами РФ. Одним из возможных решений могла бы стать разработка типовой региональной программы обеспечения общественной безопасности, утверждаемой федеральным органом, что позволило бы унифицировать подходы в субъектах РФ с учетом их специфики [4]. Кроме того, заслуживает внимание идея введения института уполномоченных по общественной безопасности в субъектах РФ — должностных лиц, ответственных за координацию всех сил и средств в регионе и наделенных правом прямого обращения к Президенту РФ в случае возникновения кризисной ситуации. Представляется также важным предусмотреть механизмы финансового обеспечения региональных программ (включая субвенции из федерального бюджета).

Седьмым элементом Концепции закона об общественной безопасности является определение структуры будущего федерального закона. В общем виде она могла бы включать следующие главы:

- глава 1. Общие положения;
- глава 2. Система обеспечения общественной безопасности;
- глава 3. Полномочия федеральных органов государственной власти;
- глава 4. Полномочия органов власти субъектов Российской Федерации;
- глава 5. Участие негосударственных субъектов;
- глава 6. Противодействие цифровым угрозам общественной безопасности;
- глава 7. Режимы общественной безопасности;
- глава 8. Финансовое и ресурсное обеспечение общественной безопасности;
- глава 9. Ответственность за нарушения законодательства об общественной безопасности;
- глава 10. Порядок обжалования действий (бездействия) субъектов обеспечения общественной безопасности;
- глава 11. Заключительные положения.

Таким образом, изложенные содержательные элементы Концепции федерального закона «Об общественной безопасности в Российской Федерации» представляют собой систему взаимосвязанных положений, охватывающих понятийно-категориальный аппарат, соотношение с отраслевыми актами, субъектный состав, противодействие цифровым вызовам и угрозам, региональное измерение и структуру будущего закона. В совокупности они образуют научно обоснованную основу для последующей законотворческой работы в сфере обеспечения общественной безопасности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Необходимость принятия федерального закона «Об общественной безопасности в Российской Федерации» обусловлена системным дефектом действующего правового регулирования: отсутствием базового отраслевого акта, фрагментарностью отраслевых законов, фактической утратой

актуальности Концепции 2013, а также наличием конституционной новеллы (п. «д.1» ст. 83 Конституции РФ), требующей законодательной реализации.

2. Место нового закона в системе законодательства определяется его рамочным характером: он должен устанавливать общие принципы, понятийно-категориальный аппарат в части устойчивых по своему содержанию категорий общественной безопасности и механизмы координации, тогда как отраслевые законы сохраняют регулирование в конкретных сферах. При этом предлагается наделить закон элементами прямого действия, включая минимальные стандарты общественной безопасности и обязательный порядок межведомственной координации.

3. Научно-методологической основой разработки концепции закона выступает инструментальная концепция права, дополненная прогностическим инструментарием (долгосрочное прогнозирование вызовов и угроз на основе больших данных и искусственного интеллекта) и компенсаторно-восстановительным механизмом (досудебное возмещение ущерба гражданам, пострадавшим от нарушения их прав в сфере общественной безопасности).

4. В рамках исследования обоснованы ключевые содержательные элементы концепции федерального закона, выбор которых продиктован необходимостью устранения выявленных правовых пробелов и учета современных вызовов. К числу таких элементов отнесены: понятийно-категориальный аппарат (с дифференциацией уровней его закрепления), механизмы координации деятельности субъектов обеспечения общественной безопасности, правовые формы интеграции негосударственных участников, инструменты противодействия цифровым угрозам, а также региональная составляющая и структура федерального закона «Об общественной безопасности в Российской Федерации».

Именно данные направления, как показал анализ научной литературы и действующего законодательства, в наибольшей степени нуждаются в системной правовой регламентации и не могут быть эффективно урегулированы в рамках существующего отраслевого законодательства. В совокупности предложенные элементы образуют научно обоснованную основу для последующей законотворческой работы.

Список источников

1. Гирько, С. И. Реальные шаги к институализации общественной безопасности Российской Федерации / С. И. Гирько // Научный портал МВД России. — 2025. — № 1 (69). — С. 33—40.
2. Воронов, А. М. Терминологический категориальный ряд теории безопасности: современные подходы / А. М. Воронов // Научный портал МВД России. — 2025. — № 4 (72). — С. 19—27.
3. Гирько, С. И. Понятийный аппарат общественной безопасности — перспективы сохранения доктринальных позиций / С. И. Гирько // Научный портал МВД России. — 2023. — № 4 (64). — С. 19—27.

4. Пронин, Т. Т. Общественная безопасность: проблемы определения понятийного аппарата / Т. Т. Пронин // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 9. — С. 131—133.
5. Манкиева, А. В. Правовые основы и проблемы обеспечения национальной безопасности в современной России / А. В. Манкиева, И. Г. Воропаев, С. Р. Решетняк // Социально-политические науки. — 2022. — Том. 12. — № 4. — С. 188—194.

References

1. Gir'ko, S. I. Real'nyye shagi k institutalizatsii obshchestvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Concrete steps toward the institutionalization of public security in the Russian Federation] / S. I. Gir'ko // Nauchnyy portal MVD Rossii. — 2025. — № 1 (69). — S. 33—40.
2. Voronov, A. M. Terminologicheskii kategorial'nyy ryad teorii bezopasnosti: sovremennyye podkhody [The terminological and categorical framework of security theory: modern approaches] / A. M. Voronov // Nauchnyy portal MVD Rossii. — 2025. — № 4 (72). — S. 19—27.
3. Gir'ko, S. I. Ponyatiynyy apparat obshchestvennoy bezopasnosti — perspektivy sokhraneniya doktrinal'nykh pozitsiy [The conceptual framework of public security: prospects for preserving doctrinal positions] / S. I. Gir'ko // Nauchnyy portal MVD Rossii. — 2023. — № 4 (64). — S. 19—27.
4. Pronin, T. T. Obshchestvennaya bezopasnost': problemy opredeleniya ponyatiynogo apparata [Public security: challenges in defining the conceptual framework] / T. T. Pronin // Agrarnoye i zemel'noye pravo. — 2025. — № 9. — S. 131—133.
5. Mankiyeva, A. V. Pravovyye osnovy i problemy obespecheniya natsional'noy bezopasnosti v sovremennoy Rossii [Legal foundations and challenges of ensuring national security in modern Russia] / A. V. Mankiyeva, I. G. Voropayev, S. R. Reshetnyak // Sotsial'no-politicheskiye nauki. — 2022. — Tom. 12. — № 4. — S. 188—194.